

авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія. – 2013. – № 2 (18). – С. 72-75.

29. Шустов А. Ф. Техническая деятельность : социокультурный анализ / А. Ф. Шустов. — Брянск : Изд-во Брянской ГСХА, 2000. — 212 с.

30. Юдин Б.Г. Знание как социальный ресурс / Б.Г.Юдин // Вестник РАН. – 2006. – Т. 76. – № 7. – С. 587–595.

31. Ягодзінський С.М. Конвергенція інформаційних мереж як стратегічна соціокультурна інновація / С.М. Ягодзінський // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія. – 2016. – № 1 (23). – С. 34-38.

32. Habermas J. Knowledge and Human Interests / J. Habermas. — Published by Beacon Press, 1972—368 p.

И.П. Скиба

СПЕЦИФИКА ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье проведено исследование специфики инструментального знания в современном обществе. Инструментальное знание рассматривается как разновидность средства, которым современный человек опосредствует свою деятельность. Особое внимание акцентируется на зависимости специфики инструментального знания от ценностно-целевых оснований социокультурной деятельности. Дается обоснование наличию противоречий в тенденциях развития современного инструментального знания, которые обусловлены противоречиями развития самой социокультуры.

Ключевые слова: инструментальное знание, социальные практики, цель, средство, высокие технологии, мировоззренческое знание.

I. Skyba

SPECIFICITY OF INSTRUMENTAL KNOWLEDGE IN MODERN SOCIETY

The article studies the specificity of instrumental knowledge in modern society. Instrumental knowledge is considered as a kind of means by which modern man mediates his activity. Special attention is paid to the dependence of the specifics of instrumental knowledge on the value-purpose principles of socio-cultural activity. The existence of contradictions in the tendencies of development of modern instrumental knowledge, caused by contradictions of the socio-culture development proper, is substantiated.

Keywords: instrumental knowledge, social practices, purpose, mean (instrumentality), «hi-tech», worldview knowledge.

УДК 1 (091) +101.1+ 101.3

Т.Д. Суходуб

ПУТИ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Центр гуманитарного образования Национальной Академии наук Украины borfata@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются концептуальные подходы философов «русского Серебряного века» к пониманию задач философии и путей её развития. Актуализируется тема «силы» и «слабости» философии в аспекте её возможностей отвечать на духовные и культурно-исторические вызовы современной эпохи. Научный интерес составили учения И. Лапшина, Н. Лосского, Г. Шпета и др. Подчёркивается, что в «новом» понимании философии особую роль сыграл «онтологический поворот». Делается вывод, что в основе исторического развития философии лежит одна и та же проблема – определения смыслов теоретической и практической философии, их размежевания, связи, возможностей в разрешении проблем человеческого бытия.

Ключевые слова: философия как проблема философии, теоретическая и практическая философия, философия как онтология, история русской философии, «серебряный век» как культурная эпоха.

Введение

В определённой степени статья является продолжением разработки темы понимания философии и смыслов философствования, сложившихся в историко-философской традиции культурно-исторической эпохи Серебряного века, и представленной частично публикациями автора в данном издании [1-3]. Имело место рассмотрение течения персонализма как «нового гуманизма», определяющей чертой которого стало преодоление характерных для эпохи крайностей индивидуалистического и коллективистского мировоззрений. На этом основании шёл поиск такого варианта онтологии, который позволил бы исходным началом в понимании бытия, в том числе и общественного, считать личность, «частями» которой соответственно рассматривались бы такие «общие» институты как общество, государство, традиции, культура в целом. Такой путь философствования, как считали мыслители-персоналисты (Н. Бердяев, Н. Лосский, Л. Шестов), позволил бы переломить исторический процесс, ориентированный на коллективности и массы, тем самым поспособствовать изживанию грандиозных утопических проектов переустройства общества, лежащих в начале XX века в основе многих социально-политических движений.

В контексте «лингвистического поворота», наметившегося в философии в первые десятилетия прошлого века, была рассмотрена концепция С. Булгакова. Философ онтологически интерпретировал слово как феномен, связанный с выходом человека за свои собственные границы в бытие космическое, универсальное. Принцип универсальности, определяющий в учении философа понимание феномена культуры и сознания человека, сближает религиозно-философское учение С. Булгакова с феноменологическим и структуралистскими подходами. Огромное влияние на развитие не только философии, но и современной науки оказали мыслители-космисты (В. Соловьёв, Н. Фёдоров, К. Циолковский и др.), в частности, речь идёт о становлении «новых онтологий», о понимании мира (бытия) как «дома человека». Разработка в этой традиции смыслов категории «всеединства» способствовала, с одной стороны, становлению такого типа философской рациональности как «коммуникативная» рациональность, нацеленная на решение задачи выстраивания диалога не только между людьми, но и со всем универсумом, т.е. бытием космическим. А, с другой стороны, «космизация» философского мышления создавала предпосылки для понимания исторических вызовов стремительно глобализирующегося на ру-

беже XX-XXI веков мира, соответственно – служило теоретическим условием возможности ответов на эти новые проблемные ситуации.

Анализ исследований и публикаций

Самокритика как форма саморазвития философии не может не сопровождать процесс философствования, независимо от исторического времени и сложившихся интеллектуальных традиций. Для истории философии XX века, когда полем переосмысления стала вся предшествующая традиция, особенно классическая школа, то есть, культура мышления, сложившаяся в эпоху «модерна» или «просветительского проекта», тема поиска путей развития «новой» философии становится перманентной. В начале столетия получила популярность работа А. Рея, который поставил перед собой задачу «дать общее представление о той форме, в какой в настоящее время возникают перед человеком великие проблемы философии» [4, с. 3]. Философ выстраивает своеобразную иерархию существенно значимых для понимания человека, смыслов его бытия проблем – это числа – пространство – материя – жизнь – дух – мораль [4, с. 35]. Акцент делается на исследовании рождения интереса в человеке, особенностях его познания, духовности, действия, ценности поступка, морального измерения бытия и т.д.

Вполне закономерно, что итогом духовно-культурного и философского развития эпохи двух мировых войн стали несколько «поворотов» – «онтологический», «лингвистический», «постструктуралистский», «постмодернистский», «коммуникативный». На этой основе рождался новый язык философствования, предметная проблематика, категориально-понятийная система мышления, новая методология и т.д. [5]. Отметим, что вопросы понимания философии, путей её развития, философского языка интересовали как европейских философов (Р. Барт, Г.-Г. Гадамер, Р. Карнап, М. Хайдеггер, М. Фуко), так и советских (М. Мамардашвили, В. Библихин, Э. Соловьёв, В. Швырёв). Не находились в стороне от этих поисков и философы дореволюционной эпохи, которую принято обозначать «русским Серебряным веком» (А. Введенский, Г. Шпет, С. Франк, В. Эрн, Б. Яковенко и др.), анализу позиций которых посвящена данная статья.

Постановка цели и задачи исследования

В данной статье автор ставит перед собой цель – выявить и представить проблемное поле исследования специфики философии и путей её развития в работах мыслителей эпохи Серебряного века. Задачи исследования вытекают из поставленной цели: во-первых, показать на основе анализа конкретных текстов мыслителей рассматриваемого периода предмет их изысканий, а, во-вторых – связь данных постановок вопросов с актуальными проблемами современности.

Основная часть

Прежде всего, хотелось бы отметить несколько причин актуализации в XX в. темы философии как проблемы философии. С одной стороны, как уже было отмечено, это традиционная, укоренённая в многовековой истории философии тема. Человеку во все времена важно было (понятно, что в опреде-

лённом духовно-культурном контексте характерных для эпохи мировоззренческих установок) сбыться, состояться, поэтому закономерно, что философия находила важные для человека той или иной эпохи слова о проблеме, смыслах, условиях человеческого с-бытия. Именно в силу решения такого рода вопросов, философия на протяжении веков существует как вопрошание, как искусство задавать вопросы, размышлять о том, кто есть человек, как он существует – познаёт, действует, верит и надеется, о том, возможно ли найти основания для гармонического взаимоотношения человеческого «я» и мира, одновременно очаровывающего и пугающего.

С другой стороны, философия, несмотря на то, что представляет собой опыт исторического развития духовно-интеллектуальной силы человека, дающей ему умение мыслить, оказывается бессильной защитить человека в конкретных общественно-исторических обстоятельствах, удержать человечество в режиме человечности. Тем самым философия, становясь «самой незащищённой стороной культуры» (Н. Бердяев), как будто перестаёт формировать человека, способного сочувствовать, сопереживать, принимать в свой собственный мир культурные миры Других, что особенно проявляется в современной истории. Ум, не вмещающий в себя иных, вытесняющий из своего духовного мира культуру философского мышления, уходя, тем самым, от любви к слову, мудрому слову, не может не подпасть под чувство неприятия, ненависти, значит разрушения всего, что не совпадает с его собственными (и, увы, ограниченными) представлениями. Неслучайно в этом культурно-историческом контексте весьма популярным словом становится «кризис».

В известном ряду кризисов – цивилизационный, духовный, экономический, центральное место занимает, пожалуй, кризис философии, так как только философское знание способно найти причины и дать оценку и всем другим кризисным состояниям. В этом плане обращает на себя внимание работа В. Эрн, представляющая собой речь с красноречивым названием «От Канта к Круппу», произнесённую в октябре 1914 г. на заседании «Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва» [5, с. 107-115]. Особенность этого текста заключается не только в нетрадиционном сопоставлении «классической» немецкой мысли (Кант, Фихте, Гегель) с «глубочайшей философичностью орудий Круппа» (речь идёт о крупнейшем военно-промышленном металлургическом концерне Германии, названном по фамилии владельца), но и о необходимости критического пересмотра путей философствования в минувшую эпоху «модерна». Ведь именно из «модерной» традиции, по мнению автора, вытекает и проявление «германского духа» в «орудиях Круппа», своеобразном «техническом» сознании, по сути, культивирующем массовую психологию, идеологию, некритическое восприятие мира. В целом же всё это ведёт к тому, что не срабатывают никакие установления «классического разума», погружающегося всё больше в утопическую глубину негуманного проявления «всеобщих» идей. Иначе говоря, переосмысление философского кантовских идей привело его к «двум радикальнейшим положениям»: «1) никакой ноумен, т.е. ничто онтологи-

ческое, не может встретиться в нашем внешнем опыте, и 2) ничто ноуменальное, т.е. относящееся к миру истинно Сущего, не может быть дано и реализовано в нашем внутреннем опыте» [5, с. 108].

Думаю, что в этом выводе В. Эрн сыграл не последнюю роль исторический контекст человеческого бытия. События ушедшего века действительно демонстрировали, образно говоря – «по нарастающей», кризисы, нечеловечность, агрессию, готовность разрешать всякого рода социальные противоречия немирными способами. Жизнь отдельного человека, не вписанного в культуру масс, коллективностей, исповедующих отдельные идеологии (часто радикального порядка), перестала быть ценностью. Такая тенденция общественного развития закономерно приводила к революциям, гражданским и мировым войнам.

В. Эрн усматривает в такой исторической тенденции основательную идейную подоплёку, связанную, в частности, с ницшеанским криком – «Старый Бог умер», считая, однако, что «Палачом старого и живого Бога был Кант...» [5, с. 109]. По мнению философа, не сама по себе история – причина негуманной поступи, а, в первую очередь, лежащие в её основании трансформации человеческого сознания. Так, В. Эрн утверждал: «В плане истории теоретическое богоубийство как априорный и общеобязательный для всякого “немецкого” сознания принцип неизбежно приводит к посюстороннему царству силы и власти, к великой мечте о земном владычестве и о захвате всех царств земных и всех богатств земных в немецкие руки» [там же]. Удивительно пророчески звучат слова, написанные в самом начале I-ой мировой войны.

Если обратиться к текстам других представителей «серебряновековой» традиции философствования, то также увидим в них нацеленность на критическую оценку рождённой философским «модерном» идеологичности сознания, а главное – попытку найти пути к «новой» философии и «новой» культуре человеческого общежития. Плеяда мыслителей рассматриваемой эпохи, их личностная судьба, с одной стороны, демонстрируют трагизм современной истории, невостребованность культуры философского мышления «идеологическим» человеком, с характерным для него массовым сознанием, а, с другой стороны, доказывают и характерную для судьбы философа парадоксальность. Речь идёт о том, что собственно человеческая беззащитность, слабость, уязвимость философа делает его лёгкой «добычей» для «людей массы» в век господства коллективностей, но его же ограниченные усилия и защищают философию, делают её востребованной, дают возможность продолжению пути «вечного» вопрошания.

Такая готовность к метафизическому мышлению, к традиционному философскому делу – задавать вопросы себе – демонстрирует не только многообразие вопрошаний, но и многообразие ответов на актуальный вопрос о смыслах современного философствования. Так, И. Лапшин видит важность в философском анализе культуры постановки проблемы о сущности такого понятия как «философское изобретение». Последнее, по его мнению, как «вид научного

творчества», необходимо отчётливо отличать и от творчества религиозного, и от «богословской изобретательности». Философское изобретение является, как понимает мыслитель, прежде всего, «конструкцией нового понятия», но при этом нельзя не замечать и другой его составляющей, а именно: «Ни нужда, ни борьба за существование, – пишет И. Лапшин, – ни заманчивые перспективы практических выгод не могут создавать новые изобретения, но они могут быть значительным побочным импульсом для интенсивной, но свободной игры творческих сил в умах изобретателей данного времени» [6, с. 171]. Таким образом, «изобретения» философа неотделимы от его жизни человека, от его личных поисков через «муки сомнения», «духовные кризисы» (понятия в концепции И. Лапшина нетождественные), что, само по себе, представляет «духовную лабораторию мысли».

В творческой работе философа важна фантазия, отличимая от художественной, так как здесь происходит комбинация не образов, а мыслей (хотя и «через посредство образов и символов»). Способность философского видения мира И. Лапшин закономерно связывает с логическим оформлением мысли. Отсюда, каждая из «мыслей входит в упорядоченное логическое единство, и все мысли, сочетаемые его (философа. – Т.С.) творческой фантазией, направлены к известной всеобъемлющей цели» [6, с. 174]. Как можно понять, такой целью является умение не просто формировать понятия, а и с их помощью содействовать процессу понимания «ритмически повторяющихся переходов мысли», описывающих важнейшие для человека феномены бытия, такие как история, религия, искусство, право, да и собственно философия.

Если И. Лапшин, как мы видели, отличает творчество философское от религиозных творческих устремлений, то Н. Лосский, напротив, считает целесообразным их «соседство» в понимании закономерностей познания и человеческого бытия. Здесь акцент делается на том, что характерной чертой русской философской традиции является стремление к «целостному познанию и острое чувство реальности тесно сочетаются с верой во всё многообразие опыта как чувственного, так и более утончённого, дающего возможность глубже проникнуть в строение бытия» [6, с. 179]. Отсюда, стремясь решить главную философскую проблему – создать онтологию как учение о мире как «едином целом», Н. Лосский в своих выводах опирается на всё многообразие человеческого опыта, причём, религиозный опыт, как утверждает мыслитель, даёт «наиболее важные данные», придаёт мирозерцанию человека значимую для него завершенность, тем самым раскрывая смысл и «вселенского существования». Онтологическая и гносеологическая позиция Н. Лосского тем самым очень прозрачно раскрывает черту религиозности философии Серебряного века, выказывая отнюдь не случайность, а закономерность религиозного измерения бытия в этой традиции.

В последние десятилетия, прежде всего благодаря развитию такого типа философской рациональности как «коммуникативная» [7], всё чаще делается акцент на «практичности» философии, необходимости приобретения современной философией

такого «статуса». Понятно, что тенденция разделения философии на «практическую» и «теоретическую» идёт ещё от Аристотеля, ярко представлена в философии И. Канта. Ныне эта идея, конечно, в обновлённом виде, актуализируется вновь. Как поясняет данную тенденцию Л. Рыскельдиева, опасаясь (что вполне справедливо) расхожести словосочетания «практическая философия» в современном дискурсе, традиционная для философии линия интереса – мудрость – знание – сознание – действие – поступок, не может не актуализироваться, так как, что доказывал ещё Стагирит, «философия есть стремление, путь к ней (к идее мудрости. – Т.С.), а способ прохождения этого пути есть знание, наука (epistēmē)» [8, с. 170]. Автор указывает на сложность различения теоретической области и практической, которая, впрочем, по его мнению, исчезает, как только приходит понимание, что зачин аристотелевской этики «не в идее мудрости и не в идеале мудреца, а в идее должного (to deon)» [там же].

Никто, понятно, не отрицает ценность современных постановок вопроса о том, какой должна быть философия, в чём заключается и каким образом выявляется её практическая составляющая. Тем не менее, на наш взгляд, важно подчеркнуть и обращение к данной тематике философов минувшего времени. В частности, сохранилась рукопись одной из незаконченных статей Г. Шпета. Авторское название статьи неизвестно, время написания – где-то между 1914-м и 1916-м гг. [9, с. 229]. Обратим внимание на отдельные идеи философа. Так, поясняя смысл термина «теоретическая философия», он различает в нём несколько значений: во-первых, имеется в виду «технический термин, употребляемый в логике, где под ним разумеют проверенное, приведённое в систему с помощью гипотезы знание»; во-вторых, речь идёт о «прикладном и техническом» значении; в-третьих, «новый смысл приобретает теоретическое в его противоположении не только деятельности, но и действительно вообще» [9, с. 215]. Главное же, что подчёркивает Г. Шпет, заключается в том, что философское познание не является, да и не может быть чисто теоретическим, так как оно возникает «не из действительного опыта, а из рефлексии по поводу опыта» [там же].

Как и другие мыслители рассматриваемой традиции, Г. Шпет видит специфику философского познания в нацеленности на «конкретную полноту и целостность». Философская «конкретность» связана с путём «умозрения сущностей», вписываемых в философскую систему знания. Однако эту систему следует отличать от так же систематизированного научного знания. Понятие системы не даёт возможности их неразличения – философия, в отличие от науки, всегда нацелена на критическое установление своих собственных «начал», избегает «догматических предпосылок и условий», претендует на «абсолютность и безусловность». Мысля же философию содержательно, Г. Шпет выделяет в её понимании «принципы и метафизику», то есть, «начала» как «теоретическое знание до построения теорий» и знание о бытии вообще.

История же философского знания, как можно понять рассуждения философа, демонстрирует как бы «возвращение» к уже имевшим место «сюжетам»

философствования: «Идея держится, – подмечал философ, – и живёт в истории пока не исчерпаны все возможности её интерпретации, но быстрая исчерпаемость ответов на её запросы свидетельствует только о бедности последних» [9, с. 220]. Так, по мысли Г. Шпета, «Философия в её целом есть нескончаемый спор. Облечённый в индивидуальные исторические формы, этот вечный спор даёт бесконечное разнообразие вопросов и ответов, которые и составляют содержание так называемой “истории философии”. И чем большее разнообразие ответов встречает какой-то вопрос, тем, следовательно, она богаче своим смысловым содержанием, тем больше альтернатив представляет раскрытие возможностей в смысле идеи» [9, с. 220]. Как видим, ещё в начале минувшего века Г. Шпет пытается интеллектуально преодолевать существующий в истории антагонизм идей, характерный для культуры «модерна», принципом диалогового мышления. Тенденция восприимчивости к другому и другим (идеям, людям) не укоренена в социокультурное бытие и ныне. Следовательно, можно предположить, «возвращение» к означенной позиции философа.

Выводы

Философии присуща внутренняя, имманентно существующая в ней, диалоговость, нацеленность на альтернативное (и всегда возможное!) видение проблем и путей их разрешения. С этим связан и процесс актуализации в новых культурно-исторических условиях, вопросов о практичности философии, о соотношении в философском познании рациональности и иррациональности, языка объяснения и интерпретации. Такая постановка вопроса характерна была практически для всех этапов и школ развития философии в XX в., в том числе, как было показано, и для философов эпохи Серебряного века. Проблемная же ситуация, отражающая бытие человека, связана, прежде всего, с тем, что мир – изначально двойственен. Он представляет собой, с одной стороны, мир пытливого человеческого ума, умиротворяющей мудрости, отвечающей на человеческие запросы, а, с другой стороны, мир характеризуется и пребывает в нём не ищущего, но сомневающегося в своих претензиях, демонстративно агрессивного сознания «человека массы», без способности осознавать себя и других в общем бытии. Это говорит о том, что опыт философствования минувшей эпохи не освоен, что вновь актуализирует поиск «новой» философии.

Список литературы

1. Суходуб Т.Д. С.Н. Булгаков об антропокосмичности слова // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія: збірник наукових праць. – К.: Видавництво Національного авіаційного університету "НАУ-друк". – № 2 (4). – 2006. – С. 31-40;
2. Суходуб Т.Д. «Русский космизм» и тенденции развития современной философской антропологии // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія: збірник наукових праць. – К.: НАУ. – № 1 (5). – 2007. – С. 93-97;
3. Суходуб Т.Д. Персонализм: актуальность философии Н.О. Лосского // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія: Збірник наукових праць. – К.: НАУ. – № 2 (22). – 2015. – С. 67-72.
4. Рей А. Современная философия: Проблемы происхождения, цели и последней сущности вещей / пер. с

фр.; под ред. В. Базарова; изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 264 с.

5. Философия философии. Тексты философии: учебное пособие для вузов / ред.-сост. В. Кузнецов. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2012. – 347 с. – (Концепции).

6. Философия Серебряного века / сост. Е.В. Бельмис. – СПб.: Паритет, 2009. – 320 с.: ил.

7. Ермоленко А.М. Комунікативна практична філософія. Підручник. – К.: Лібра, 1999. – 488 с.; Ситниченко Л.А.

Комунікативний поворот у сучасній філософії. Вступ // Ситниченко Л.А. Першоджерела комунікативної філософії. – К.: Либідь, 1996. – С. 5-10.

8. Рыскельдиева Л.Т. О методе практической философии // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского. – № 106. – 2007. – С. 170-174.

9. Шпет Г.Г. Работа по философии / составление и примечания И. Чубарова // Логос. Философско-литературный журнал. – М.: СВП «РУСТР», МП «ЭХО», 1991. – С. 215-233.

Т.Д. Суходуб

ШЛЯХИ ФІЛОСОФУВАННЯ: ПОГЛЯД З СРІБНОГО ВІКУ

У статті розкриваються концептуальні підходи філософів «російського Срібного віку» до розуміння завдань філософії та шляхів її розвитку. Актуалізується тема «сили» і «слабкості» філософії в аспекті її можливостей відповідати на духовні і культурно-історичні виклики сучасної епохи. Науковий інтерес склали вчення І.І. Лапшина, М.О. Лосського, Г.Г. Шпета та ін. Підкреслюється, що в «новому» розумінні філософії особливу роль зіграв «онтологічний поворот». Робиться висновок, що в основі історичного розвитку філософії лежить одна й та ж сама проблема – визначення смислів теоретичної і практичної філософії, їх розмежування, зв'язку, можливостей у вирішенні проблем людського буття.

Ключові слова: філософія як проблема філософії, теоретична і практична філософія, філософія як онтологія, історія російської філософії, «срібний вік» як культурна епоха.

T.D. Sukhodub

WAYS OF PHILOSOPHY DEVELOPMENT: A SIGHT FROM THE SILVER AGE

The article reveals the conceptual approaches of the philosophers of the «Russian Silver Age» to understanding the tasks of philosophy and ways of its development. The theme of the «strength» and «weakness» of philosophy is actualized in the aspect of its ability to respond to the spiritual and cultural and historical «challenges» of the modern age. Scientific interests constitute the teachings of I.I. Lapshin, N.O. Lossky, G.G. Shpet et al. Draws attention that in the «new» understanding of philosophy a special role belongs to «ontological turn». It is concluded that the basis of historical development of philosophy is the same problem namely definition of the meanings of theoretical and practical philosophy, their delimitation and connection. Beyond this issue the solution of the problems of human existence is difficult.

Keywords: philosophy as a problem of philosophy, theoretical and practical philosophy, philosophy as ontology, history of Russian philosophy, «silver age» as a cultural epoch.

УДК 130.2+17+124.5

О.Б. Федоровська

СПРАВЕДЛИВІСТЬ: АКТУАЛЬНІСТЬ ПРОБЛЕМИ У СУЧАСНОМУ СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКОМУ ДИСКУРСІ

Центр гуманітарної освіти Національної Академії наук України olga-fedorovskaya@ukr.net

Анотація. Автор виходить із того, що ідея справедливості, що вперше теоретично була розроблена ще Аристотелем, у сучасних суспільствах повинна відігравати роль засадничого принципу державного будівництва. У статті розглядаються основні положення теорії справедливості, розробленої Дж. Ролзом. Проводиться аналіз основних положень цієї теорії, зіставлення її з поглядами Г.Л.А. Харта та П. Рікера щодо даної проблематики.

Ключові слова: влада, соціум, держава, справедливість.

Вступ

Тему справедливості можна вважати однією з усталених філософських проблем ще з античної доби. Нею опікувалися такі давньогрецькі філософи, як софіст Фразимах, Сократ, Платон, Аристотель. Завдяки їхнім міркуванням щодо справедливості як проблеми соціуму, щодо підстав справедливих стосунків у полісній державі, справедливої дії тощо дана тема актуалізувалась у філософії в аспектах співвідношення справедливого та законного, на що особливо зважалося в контексті теми державотворення, справедливого та моральнісного, зрівноваженого й розподільчого розуміння поняття справедливості тощо. На ці первинні філософські розвідки щодо розуміння справедливості зважають і сучасні філософи. Так, О. Гьофе зазначає: «Вже на початку своєї історії люди сподівалися на те, що переважно добро мусить винагороджуватися, а зло каратись, частково, зараз, у цьому житті, а частково – в потойбічному» [1, с. 19]. З плином часу тема справедливості не загубила своєї актуальності. В Новий час (у широкому значенні цього поняття) проблема справедливості розглядалася як головна вимога

розумної людини та засаднича ознака права (Гуго Гроцій); ставилося питання про «загальну справедливість» як показник якості законів позитивного права (Ф. Бекон); тема верховенства права, яке має забезпечувати держава, ув'язувалася І. Кантом з оцінкою діяльності соціальних інститутів із позиції справедливості тощо.

У сучасному соціально-політичному дискурсі ідея справедливості розглядається більш широко – і в традиційно моральному, юридичному, і в економічному, соціально-політичному сенсах. Можна стверджувати, що на сьогодні тема справедливості є однією з актуалізованих ідей у філософських міркуваннях. Враховуючи, що справедливість як проблема зачіпає практично всі сфери суспільного буття, поняття справедливості прийнято вважати «синтетичним», тобто в певному значенні поняттям і етичним, і правовим, і соціологічним, і політичним. Через цю синтетичність, багатозначність у змістовному розумінні справедливості дана категорія у сучасних соціально-філософських міркуваннях часто зіставляється з такими ціннісно навантаженими поняття-